

Кропоткин Петр Алексеевич

Записки революционера

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
П30

П30 **Петр Алексеевич К.**
Записки революционера / Кропоткин Петр Алексеевич – М.: Книга по Требо-
ванию, 2022. – 204 с.

ISBN 978-5-519-91229-7

ISBN 978-5-519-91229-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

униженнымъ и оскорбленнымъ людямъ народа. Оба находятъ въ нихъ болѣе малодушія, чѣмъ недостатка ума. Оба они идеалисты и оба они отличаются темпераментомъ реформатора. Оба по природѣ своей миролюбивы, причемъ Кропоткинъ отличается этимъ свойствомъ въ особенной степени, хотя роль осуждающаго насильниковъ и проповѣдника мира выпала на долю Толстого, между тѣмъ какъ Кропоткинъ старается оправдывать террористовъ и поддерживаетъ съ ними дружескія сношенія. Болѣе всего расходятся они въ своихъ отношеніяхъ къ интеллигентному, образованному челоѣку и къ наукѣ вообще. Толстой въ своемъ религіозномъ экстазѣ презираетъ ихъ и не признаетъ никакихъ заслугъ ни за наукой, ни за учеными; Кропоткинъ, напротивъ того, относится къ нимъ съ высокимъ уваженіемъ, хотя въ то же время осуждаетъ ученыхъ, забывающихъ во имя науки о народѣ и о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя постигаютъ массы его.

Многіе совершали великія дѣла на своемъ жизненномъ пути, хотя не оставили послѣ себя никакого слѣда. Многіе люди крайне интересны, хотя жизнь ихъ, быть можетъ, обыкновенна и даже пошловата. Жизнь Кропоткина, напротивъ, и велика, и вмѣстѣ съ тѣмъ очень интересна.

Въ этихъ двухъ томахъ читатель найдетъ сочетаніе всѣхъ тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ складывается жизнь, богатая событіями; тутъ найдутся и идиллія, и трагедія, и драма, и романъ.

Дѣтство въ Москвѣ и ея окрестностяхъ, портреты матери, сестеръ, учителей, старыхъ вѣрныхъ слугъ, въ связи съ рядомъ сценъ патриархальной жизни, все это написано такъ мастерски, что каждое сердце будетъ затронуто. Картины природы, рассказъ о необычайной привязанности двухъ братьевъ, другъ къ другу—все это чистѣйшая идиллія.

Наряду съ этимъ, къ несчастію, проливается много слезъ и повѣствуется о страданіяхъ: грубость семейной жизни, жестокость въ обращеніи съ крѣпостными и дворовыми и вообще черствость тѣхъ, кому ввѣрена судьба людей—все это проносится передъ нами.

Все тутъ разнообразно; нѣтъ недостатка и въ драматическихъ катастрофахъ: жизнь при дворѣ и затѣмъ—въ тюрьмѣ. Жизнь въ высшихъ слояхъ русскаго общества и жизнь полная лишеній среди пролетариата Лондона и Швейцаріи. Тутъ происходитъ перемѣна декорацій и костюмовъ, какъ въ драмѣ: главное дѣйствующее лицо днемъ является въ пышномъ нарядѣ въ Зимнемъ Дворцѣ, а по вечерамъ рассказываетъ по окраинамъ въ мужичьемъ полушубкѣ, проповѣдуя тамъ революцію. Наконецъ, повѣсть эта не лишена даже и сенсационнаго элемента: несмотря на то, что трудно говорить проще и задушевнѣе Кропоткина, въ его рассказѣ встрѣчаются мѣста, которыя по самой сути своей гораздо болѣе захватываютъ читателя, чѣмъ всевозможнаго

рода повѣсти, написанныя единственно съ цѣлью произвести сенсацию. Развѣ можно представить себѣ что либо болѣе интересное, чѣмъ приготовленія къ побѣгу изъ Николаевского госпиталя и дерзкое по смѣлости исполненіе этого плана.

Немногіе знали такъ хорошо, какъ Кропоткинъ, всѣ слои общества; а вѣдь онъ жилъ во всѣхъ; какія тутъ встрѣчались картины! Вотъ Кропоткинъ въ дѣтствѣ, завитой, въ маскарадномъ костюмѣ, стоитъ возлѣ Николая I; вотъ онъ, уже пажомъ, бѣжитъ за Александромъ II, чтобъ защитить его отъ опасности. А вотъ онъ опять въ ужасной тюрьмѣ, гдѣ спроваживаесть великаго князя Николая Николаевича и гдѣ слышитъ изъ дня въ день слова крестьянина, сидящаго подъ его камерой и постепенно сходящаго съ ума.

Онъ жилъ какъ аристократъ и какъ рабочій; онъ былъ пажомъ Государя и писателемъ, борющимся съ бѣдностью.

Онъ жилъ жизнью студента, офицера, ученаго, изслѣдователя неизвѣстной страны, администратора и революціонера, въ изгнаніи ему нерѣдко приходилось питаться, какъ русскому крестьянину, однимъ только хлѣбомъ и чаемъ; къ нему приставляли шпионовъ и собирались убить, какъ русскаго императора.

Не многіе могутъ похвастаться столь обширнымъ опытомъ, какъ былъ у него, не многіе столько пережили. Какъ геологъ, Кропоткинъ могъ охватить доисторическую эволюцію за сотни тысячелѣтій; какъ человѣкъ, онъ могъ обнять историческую эволюцію своего собственнаго времени. Къ литературному и научному образованію, получаемому въ университетѣ и въ рабочемъ кабинетѣ (т. е. къ знанію языковъ, изящной литературы, философіи и высшей математики) онъ съ ранняго возраста прибавилъ знанія, которыя приобрѣтаются въ мастерской, въ лабораторіи и въ полѣ, т. е. естественныя науки, фортификацію, механику и фабричное дѣло. Его интеллектуальный горизонтъ прямо-таки универсаленъ.

Какъ долженъ былъ страдать этотъ дѣятельный умъ отъ вынужденнаго бездѣйствія тюремной жизни! Какое испытаніе терпѣнію и стоицизму! Кропоткинъ какъ-то замѣчаетъ, что основой всякой организаціи должна служить высоко-нравственная личность. Это какъ разъ приложимо къ нему самому. Жизнь создала изъ него одинъ изъ краеугольных камней будущаго строя.

Въ жизни Кропоткина приходится отмѣтить два критическихъ поворотныхъ момента.

Онъ приближается къ тридцати годамъ—критическому возрасту въ жизни человѣка. Душою и сердцемъ онъ принадлежитъ наукѣ; онъ сдѣлалъ цѣнное научное открытіе. Онъ доказалъ, что карты Сѣверной Азіи не вѣрны, что не только прежнія представленія о географіи Азіи неправильны, но что и теоріи Гумбольдта противорѣчатъ дѣйстви-

ности. На два года онъ погружается въ тщательныя изысканія. Наконецъ, внезапно, въ одинъ день, истинное представление о связи между фактами разомъ всплываетъ передъ нимъ. Онъ понялъ, что важнѣйшія линіи структуры Авіи слѣдуютъ не съ сѣвера на югъ или съ запада на востокъ, а съ юго-запада на сѣверо-востокъ. Онъ старается доказать свое открытіе, прилагаетъ къ нему массу отдѣльно стоящихъ фактовъ и тѣ вполне подтверждаютъ его. Такимъ образомъ ему удалось познать радость научнаго открытія въ его наиболѣе возвышенной и чистой формѣ: онъ понимаетъ тогда, какъ сильно оно возвышаетъ душу.

И вотъ наступаетъ кризисъ. Думы о томъ, что испытывать такую радость могутъ лишь немногіе, не даютъ ему покоя. Онъ спрашиваетъ себя, имѣетъ ли онъ право одинъ наслаждаться радостью знанія. Онъ чувствуетъ, что передъ нимъ стоитъ еще высшій долгъ, что нужно понести въ массу народа приобретенныя имъ знанія, что это важнѣе, чѣмъ гоняться за новыми открытіями.

Что касается меня, то я лично не думаю, чтобы Кропоткинъ былъ правъ. Если бы Пастеръ задавался такими мыслями, онъ не сталъ бы благодѣтелемъ человѣчества. Въдѣ въ концѣ-то концовъ все дѣлается источникомъ блага для массъ. Я полагаю, что человѣкъ дѣлаетъ все, что можетъ, на благо всѣмъ, когда проявляетъ возможно большую продуктивность. Однако эта основная идея очень характерна для Кропоткина. Въ ней онъ высказывается весь.

И вотъ это-то складъ ума влечетъ его еще дальше. Въ Финляндіи его вдругъ осяняетъ мысль, по тому времени еще еретическая, что въ доисторическую эпоху весь сѣверъ Европы былъ покрытъ льдами; это было несомнѣнно огромнымъ открытіемъ. И вотъ тутъ то онъ и почувствовалъ такое состраданіе къ страждущему, бѣдному, часто голодному населенію, что онъ ставитъ своей важнѣйшей, абсолютной цѣлью сдѣлаться для этихъ великихъ трудящихся и обездоленныхъ массъ учителемъ и помощникомъ.

Вскорѣ послѣ этого передъ нимъ открывается новый міръ, — жизнь рабочихъ классовъ, и тутъ онъ начинаетъ учиться у тѣхъ, кого собирался учить.

Черезъ пять или шесть лѣтъ наступаетъ вторая фаза кризиса. Дѣло происходитъ въ Швейцаріи. Еще во время своей первой поѣздки туда Кропоткинъ вышелъ изъ группы социалистовъ-государственниковъ, такъ какъ боялся экономическаго деспотизма, ненавидѣлъ централизацию и изо всей души любилъ свободу личности и общества. Однако лишь послѣ продолжительнаго заключенія въ Россіи, во время своего вторичнаго пребыванія среди интеллигентныхъ рабочихъ западной Швейцаріи, неясное дотолѣ представление о новомъ строѣ общества, которое мелькало у него передъ глазами, приняло у него болѣе конкретную форму: онъ нарисовалъ его себѣ въ видѣ собранія федеративныхъ ассо-

ціацій, въ видѣ кооперацій того самаго типа, которыя теперь строятъ желѣзныя дороги или создаютъ въ разныхъ странахъ почтовые учрежденія. Онъ знаетъ, что не въ состояніи начертить опредѣленнаго пути, по которому пойдеть впередъ исторія, но убѣжденъ, что этотъ планъ будетъ начертанъ созидательной энергіей массъ; однако, для наглядности, онъ сравниваетъ будущій строй съ корпораціями и вообще общественными организаціями средневѣковья, которыя явились слѣдствіемъ такого приложенія дѣятельности массъ. Онъ не вѣритъ въ различіе между правящими и управляемыми; но лично принужденъ признать, что держусь достаточно старозавѣтныхъ взглядовъ для того, чтобы очень обрадоваться, когда Кропоткинъ, съ нѣкоторой даже непослѣдовательностью, расхваливаетъ своего друга, говоря о немъ, что онъ „рожденъ былъ вождемъ людей“.

Авторъ называетъ себя революціонеромъ и ему кажется, что онъ имѣетъ на это полное право. Между тѣмъ рѣдко встрѣчаются столь мягкіе и гуманные революціонеры. Чувствуешь настоящее изумленіе, когда разъ по случаю едва не разразившейся стычки съ швейцарской полиціей у Кропоткина вдругъ обнаруживается воинственный духъ, присущій каждому изъ насъ. Авторъ говорить, что онъ не могъ бы съ увѣренностью сказать, радовался ли онъ съ друзьями, что схватки не было, или же жалѣлъ объ этомъ. Однако эта вспышка у него стоитъ вполнѣ особнякомъ. Онъ никогда не являлся мстителемъ, а всегда игралъ роль мученика.

Кропоткинъ не требуетъ жертвъ отъ другихъ, но постоянно приносилъ ихъ самъ. Всю жизнь онъ такъ поступалъ, но такъ мало объ этомъ распространяется, будто эти самопожертвованія ему ничего не стоили. Онъ на нихъ не обращаетъ никакого вниманія. И несмотря на всю его энергію онъ такъ мало зараженъ духомъ мщенія, что, упоминая какъ-то о негодяѣ тюремномъ докторѣ, онъ просто сообщаетъ: „чѣмъ меньше распространяться о немъ, тѣмъ будетъ лучше“.

Кропоткинъ — революціонеръ безъ всякой тѣни напыщенности. Онъ смѣется надъ клятвами и всяческими церемоніями, которыми заговорщики связываютъ себя въ разныхъ драмахъ и операхъ. Человѣкъ этотъ — олицетворенная простота. По характеру онъ легко можетъ выдержать сравненіе съ любымъ борцомъ за свободу любой страны. Мы не найдемъ человѣка безкорыстнѣе его и болѣе любящаго человѣчество.

Но врядъ ли Кропоткинъ позволитъ мнѣ высказать въ моемъ предисловіи къ его книгѣ всѣ тѣ хорошія чувства, которыя я къ нему питаю. А если бы я вздумалъ въ этомъ случаѣ послушаться только самого себя, то я далеко вышелъ бы изъ рамокъ обычнаго предисловія.

Георгъ Брандесъ.

Предисловіе автора.

Книга эта вѣроятно не была бы написана и до сего времени, если бы не любезное приглашеніе издателя „Atlantic Montly“, который просилъ меня давать ему свои воспоминанія для его журнала. Считаю своимъ пріятнымъ долгомъ выразить ему здѣсь свою живѣйшую признательность какъ за его любезное гостепріимство, которое онъ мнѣ оказывалъ, такъ и за дружественную настойчивость, которая заставила-таки меня приняться наконецъ за составленіе моихъ мемуаровъ. Они появились въ „Atlantic Montly“ (съ сентября 1898 по сентябрь 1899 г.) подъ заглавіемъ „Автобіографія революціонера“.

Просматривая ее для отдѣльнаго изданія, я значительно пополнилъ текстъ, особенно въ тѣхъ частяхъ, гдѣ говорится о моей юности и пребываніи въ Сибири, главнымъ же образомъ расширилъ я шестую часть, гдѣ я рассказываю о моей жизни въ Западной Европѣ.

П. Н.

Октябрь 1899 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ДѢТСТВО.

I.

Историческій ростъ Москвы совершался очень медленно. Тотъ своеобразный характеръ, который приобрѣли во время этого роста отдѣльныя части города, до высокой степени сохранился еще до нашихъ дней. Замоскворѣчье съ его скучными, широкими улицами и его однообразными сѣрыми низкими домами, запертыми днемъ и ночью, споконъ вѣку являлось исключительной резиденціей крупныхъ купцовъ и служило оплотомъ строгаго, застыившаго въ своемъ формализмѣ старовѣрства. Кремль и по сей день еще является твердыней государства и церкви. Широкая площадь передъ нимъ, застроенная тысячами ларей и балагановъ, съ незапамятныхъ временъ представлялась вѣчно копошашимся муравейникомъ и до сихъ поръ еще служитъ сердцемъ огромной внутренней торговли, обширнаго русскаго государства. На Тверской и Кузнецкомъ мосту издавна сосредоточены болѣе фешенебельные магазины, между тѣмъ какъ другія части города, занятыя ремесленниками, какъ-то: Плющиха и Дорогомилровка, до сихъ поръ еще сохранили много характерныхъ чертъ эпохи московскихъ царей. Каждый кварталъ представляетъ собою цѣлый мірокъ, каждый отличается своими своеобразными особенностями и живетъ собственной жизнью. Даже желѣзныя дороги, и тѣ, вторгшихся въ древнюю столицу, создали себѣ особые рѣзко ограниченные районы, занятые мастерскими, сараями и кладовыми, а также желѣзнодорожными депо съ ихъ нагруженными вагонами и локомотивами.

Однако изъ всѣхъ частей города самую своеобразною является все-таки тотъ лабиринтъ чистенькихъ улицъ, которыя прихотливо извиваются за Кремлемъ между двумя большими, лучеобразно расходящимися улицами, Арбатомъ и Пречистенкой. И названіе-то этого квартала—, «старая Коношенная» говоритъ о давно прошедшихъ временахъ.

Лѣтъ пятьдесятъ слишкомъ тому назадъ здѣсь жили вѣрнѣе медленно угасало старое дворянство, именами котораго испещрена русская исторія до-петровскаго періода.

Затѣмъ оно исчезло и на его мѣсто стали новые люди, „разночинцы“, которыхъ призывалъ къ общественной службѣ основатель русскаго государства. Старые дворяне, чувствуя себя въ Петербургѣ лишними, переселились либо въ Москву на Старую Конюшенную, либо въ свои живописныя усадьбы, раскинувшіяся вблизи столицы, и съ чувствомъ не то презрѣнія, не то зависти приглядывались къ пестрому обществу неизвѣстно откуда собравшихся людей, которое успѣло занять высшіе государственные посты въ новой столицѣ, раскинувшейя на берегахъ Невы.

Въ молодые годы большинство изъ нихъ пробовало свои силы на государственной службѣ, главнымъ образомъ въ арміи, но потомъ они скоро выходили въ отставку, недобившись высокихъ чиновъ. При этомъ одни находили въ городѣ своихъ предковъ покойную почетную службу (къ нимъ принадлежалъ и мой отецъ), другіе просто ѣхали въ чистую отставку. Тѣмъ не менѣе всѣ они, въ какой бы уголокъ нашего обширнаго отечества судьба бы ихъ ни закидывала, всегда мечтали о томъ, чтобы старость свою покойно доживать на Старой Конюшенной, вблизи того самого храма, гдѣ ихъ крестили и гдѣ они отпѣвали родителей.

Отъ старыхъ стволовъ нерѣдко шли свѣжіе отпрыски и побѣги, изъ которыхъ многіе заслужили себѣ славу въ различныхъ частяхъ Россіи; другіе приобрѣли себѣ роскошныя дома въ другихъ частяхъ Москвы или въ Петербургѣ. Однако истиннымъ представителемъ рода считалась все-таки лишь та вѣтвь, которая оставалась на мѣстѣ, на Старой Конюшенной, вблизи зеленой, желтой, розовой или бурой церкви, дорогой по своимъ семейнымъ воспоминаніямъ. Старосвѣтскому патриарху такой московской линіи оказывали почтительное уваженіе, быть можетъ не безъ легкой прони, даже тѣ, болѣе молодые представители того же рода, которые давно уже покинули родину и дѣлали блестящую карьеру въ гвардіи или при дворѣ. Дѣло въ томъ, что такой патриархъ олицетворялъ собою древность рода и семейныя традиціи.

Въ этихъ тихихъ улицахъ, столь удаленныхъ съ сутолоки и шума торговаго города, всѣ дома были замѣчательно похожи другъ на друга. Они чаще всего деревянные, съ блестящей зеленой крышей изъ тонкаго листоваго желѣза. Наружныя отштукатуренныя стѣны украшены лѣпкою, колоннами и портиками, и все это блистало самыми яркими цвѣтами. Всѣ почти дома были одноэтажны и по наружному фасаду имѣли семь или девять оконъ. Второй этажъ чаще выходилъ во дворъ, гдѣ помѣщались многочисленныя пристройки, кухни, конюшни, погреба, сараи, а также и людскія. На этотъ дворъ широкія ворота съ мѣдною доскою и надписью на ней: „домъ такого-то поручика, полковника или кавалера“. Очень рѣдко можно было прочесть „гене-

раля-маіора“ или титулъ соотвѣтственнаго гражданскаго чина. А если на такой улицѣ высился прекрасный домъ съ роскошной позолоченной желѣзной рѣшеткой и такими же воротами, то на мѣдной доскѣ навѣрное была надпись „Коммерціи совѣтника“ или „потомственнаго почетнаго гражданина такого-то“. Это былъ уже народъ, что называется, затесавшійся въ этотъ кварталъ, и потому коренное население не считало нужнымъ признавать его.

Магазины въ этотъ аристократическій кварталъ не допускались, развѣ ужъ въ какомъ-нибудь маленькомъ деревянномъ церковномъ домѣ пріютится крошечный ларекъ или мелочная. Въ такомъ случаѣ на противоположномъ углу обыкновенно стояла полицейская будка. Днемъ въ ней показывался будочникъ съ алебардою въ рукѣ и отдавалъ своимъ безвреднымъ оружіемъ честь проходящимъ офицерамъ; съ наступленіемъ же сумерекъ онъ скрывался внутри ея и тачалъ тамъ сапоги или крошилъ нюхательный табакъ, находившій большой сбытъ у окрестной прислуги.

Тихо и мирно, по крайней мѣрѣ по внѣшнему виду, текла жизнь въ этомъ московскомъ Faubourg Saint-Germain. Утромъ на улицахъ бывало, не встрѣтишь ни души. Въ обѣденное время появлялись дѣти всегда подъ надзоромъ гувернеровъ-французовъ или нянекъ-нѣмокъ и гуляли на бульварахъ по покрытымъ снѣгомъ дорожкамъ. Позже появлялись дамы въ сапяхъ, запряженныхъ парю, и непремѣнно съ лакеемъ на запяткахъ; иногда они совершенно терялись въ огромномъ старинномъ рыдванѣ на высокихъ изогнутыхъ рессорахъ, четверней, съ форейторомъ и уже съ двумя лакеями на запяткахъ. Вечеромъ большинство домовъ горѣло огнями, а такъ какъ ставни не запирались никогда, то съ улицы легко можно было видѣть, какъ въ парадныхъ комнатахъ играли въ карты или танцевали. „Политическихъ убѣждений“ въ тѣ времена еще не было и далеко еще было до той эпохи, когда началась борьба между „отцами и дѣтьми“,—борьба, которая обыкновенно кончалась либо семейной драмой, либо ночнымъ визитомъ жаждармовъ. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ объ этомъ еще и не думали; все, по крайней мѣрѣ снаружи, казалось спокойнымъ и тихимъ.

Вотъ въ этой-то Старой Конюшенной я и родился въ 1842 г. и здѣсь протекли первые 15 лѣтъ моей жизни. Мы оставались здѣсь, несмотря даже на то, что отецъ мой послѣ смерти моей матери продалъ свой домъ и купилъ тутъ же по близости другой, затѣмъ продалъ и этотъ и проживалъ съ нами нѣсколько лѣтъ въ наемныхъ помѣщеніяхъ, пока не приобрѣлъ себѣ третьяго, на этотъ, разъ уже совершенно по своему вкусу. Этотъ домъ находился подлѣ церкви, гдѣ меня крестили. Итакъ мы все-таки оставались на Старой Конюшенной и только лѣтомъ выѣзжали въ нашу усадьбу.

II.

Высокая, просторная угловая комната; въ ней бѣлая постель, на которой лежитъ наша мать, кругомъ наши дѣтскіе столы и стулья пододвинуты къ ней вплотную. На красиво убранныхъ столахъ разставлены сладости и красивые стеклянные баночки съ вареньемъ; въ эту комнату насъ, дѣтей, привели въ совершенно необычное время. Вотъ мои первые смутныя воспоминанія дѣтства.

Наша мать умирала отъ чахотки; ей было всего 35 лѣтъ. Прежде чѣмъ покинуть насъ навсегда, она пожелала видѣть насъ воалѣ себя, приласкать насъ, на часокъ счастливо пожить нашими дѣтскими радостями, и вотъ она устроила это маленькое угощеніе у своей постели, которую ей не суждено было уже болѣе оставить. И припоминаю ея блѣдное, осунувшееся лицо и ея большіе темнокоріе глаза. Она съ любовью глядитъ на насъ, приглашаетъ насъ ѣсть, позволяетъ лазать на ея кровать; затѣмъ вдругъ она заливается слезами, ее душитъ припадокъ кашля и насъ уводитъ.

Вскорѣ послѣ этого, насъ дѣтей—брата Александра и меня—перевели изъ большого дома въ маленькій флигель во дворѣ. Апрельское солнце заливаетъ маленькую комнату своими лучами, однако наша нѣмка-бонна m-me Бурманъ и русская няня Ульяна укладываютъ насъ спать. Съ глазами, полными слезъ, онѣ шьютъ намъ черныя рубашечки, съ бѣлыми оторочками. Но мы не спимъ: неизвестное пугаетъ насъ, мы прислушиваемся къ разговору, который они шопотомъ ведутъ между собою. Онѣ что-то говорятъ о матери, чего мы не понимаемъ. Тогда мы вскочили съ постелей и спросили: „Гдѣ мама? гдѣ мама“.

Тогда онѣ обѣ разрыдались, стали гладить наши курчавые волосы и называть насъ бѣдными сиротками; наконецъ Ульяна не выдержала долѣе и воскликнула: „Ваша маменька улетѣла туда, на небо, къ ангеламъ“.

— „Какъ на небо? Зачѣмъ?“ тѣтено задавало себѣ вопросъ наше дѣтское воображеніе, но отвѣта не было.

Все это было въ апрѣлѣ 1846 года; мнѣ было всего три съ половиной года, а брату Александру не исполнилось еще и пяти. Не знаю, гдѣ были тогда наши старшіе братья съ сестрою, Николай и Елена. Николаю тогда было двѣнадцать лѣтъ, Еленѣ — одиннадцать; они всегда держались вмѣстѣ и мы какъ-то мало ихъ знали. И такъ мы остались съ Александромъ въ маленькомъ флигелѣ на рукахъ у мадамъ Бурманъ и Ульяны. Добрая старая нѣмка, совершенно бездолая и одинокая на бѣломъ свѣтѣ, старалась замѣнить намъ мать. Она воспитывала насъ, какъ могла, покупала намъ изрѣдка по игрушкѣ и пичкала пряниками

каждый разъ, когда другой старый нѣмецъ, торговавшій
зими и навѣрно такой же безпріютный и покинутый, какъ
мадамъ Бурманъ, приходилъ къ намъ. Отца мы видѣли
рѣдко, и слѣдующіе два года протекли, не оставивъ ника-
кого слѣда въ моихъ воспоминаніяхъ.

III.

Нашъ отецъ очень гордился происхожденіемъ своей
семьи и съ чувствомъ высокаго удовольствія указывалъ
на кусокъ пергамента, который висѣлъ на стѣнѣ въ его
кабинетѣ. На немъ красовался нашъ гербъ—гербъ князей
смоленскихъ, покрытый горностаемъ и съ шапкою Мономаха
на верху; тутъ же имѣлось удостовѣреніе департамента
герольдіи, что нашъ родъ происходитъ отъ внука Мсти-
слава Удалого (одного изъ старыхъ кievскихъ великихъ
князей, имя котораго часто упоминается въ русской исто-
ріи) и что предки наши были великими князьями смолен-
скими.

„Въ триста рублей обошелся мнѣ этотъ пергаментъ“,
говаривалъ намъ при этомъ отецъ. Какъ и большинство
людей его времени, онъ былъ не очень-то твердъ въ русской
исторіи, и потому болѣе оцѣнивалъ пергаментъ съ денежной
стороны, нежели какъ историческій документъ.

Дѣйствительно, семья наша очень древняго происхож-
денія и, подобно большинству потомковъ Рюрика, которыхъ
можно считать феодалами русской исторіи отошла на второй
планъ, когда кончился этотъ періодъ и Романовы, вступивъ
на московскій престолъ, начали объединять Россію. Каж-
ется, что въ послѣднее время Кропоткины не обнаружи-
вали особой склонности къ государственной службѣ. Наши
прадѣды и дѣды вышли изъ военной службы еще совсѣмъ
молодыми людьми и тотчасъ отправились въ свои родовыя
вотчины. Впрочемъ, надо замѣтить, что главное рязанское
помѣстье, раскинувшееся на холмахъ среди плодороднѣй-
шихъ полей, съ его тѣнистыми деревьями, извилистыми
рѣчками и безконечными лугами, могло соблазнить всякаго.
Нашъ дѣдъ оставилъ службу еще въ чинѣ лейтенанта и
удалился въ Урусово, гдѣ всецѣло посвятилъ себя хозяйству
и старался расширить свое помѣстье скупкою другихъ уса-
дебъ въ окрестностяхъ.

Вѣроятно и наше поколѣніе сдѣлало бы то же самое,
если бы нашъ дѣдъ не женился на княжнѣ Гагариной, семья
которой была совершенно иного склада. Братъ княжны былъ
извѣстенъ какъ страстный любитель сцены. Онъ завелъ
свой собственный частный театръ и зашелъ въ своей страсти
такъ далеко, что къ ужасу всей своей родни женился на